

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ У КОМИ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

Н.А. Лискевич

На основе полевых материалов, собранных во время этнографических экспедиций в коми селах юга Тюменской и Омской областей, рассматриваются представления о смерти, душе-дыхании и душе-тени; характеризуются особенности подготовки к смерти, предпохоронных, погребальных и поминальных обычаев, способы использования предметов, соприкасавшихся с телом умершего. Выявляется роль сновидений как одного из источников контакта с умершими и продуцирования новых элементов коллективных представлений о загробном мире у локальных групп коми.

Коми Западной Сибири, погребально-поминальная обрядность, явления умерших, сны о покойных.

Одним из самых консервативных компонентов в духовной сфере этнической культуры является погребальная обрядность. Ее основные составляющие — представления о душе, смерти и покойных, загробном мире, возможностях контактов с умершими, действия по подготовке к смерти, сборам покойного, погребении и проведении поминок, а также комплекс материальных предметов, связанных с этими представлениями и включенных в ритуально-обрядовое поведение, как правило, устойчивы к трансформациям [Токарев, 1990, с. 153–205]. Они могут долгое время сохраняться в неизменном виде даже под воздействием таких факторов, как изменение территории проживания, этнокультурные заимствования, улучшение качества жизни и пр. Воспроизводство обрядов погребального цикла отчетливее других отражает преемственность поколений в культуре народа, так как актуализирует социальную роль представителей старшего поколения. Императивы их опыта и знаний определяют форму и содержание ритуалов, медленно уступаая тенденциям «моды» и предложениям специалистов в сфере похоронных услуг. В этнографических исследованиях уделяется большое внимание сбору эмпирического материала, проясняющего различные аспекты погребальной обрядности, его анализу, интерпретации. Эти данные позволяют выявить архаичные черты мировоззрения, исследовать проблемы культурогенеза, реконструировать этнокультурные связи, выявить социальные аспекты ритуального поведения и пр. В контексте изучения традиционной культуры, мировоззрения, семейных обрядов у коми подробные сведения о погребально-поминальной обрядности приводятся в работах В.П. Налимова [2001], В.Н. Белицер [1958], А.И. Терюкова [2004], П.Ф. Лимерова [1998], В.А. Семенова [1992], обобщающих работах «Мифология коми...» [1999], «Народы Поволжья и Приуралья...» [2000] и др. Их материалы позволяют провести сравнительный анализ и выявить степень сохранности комплекса традиционных представлений и ритуалов у коми юга Западной Сибири.

Наиболее крупными компактными поселениями коми в Нижнем Притоболье (территории современных Ялуторовского, Ярковского, Заводоуковского, Юргинского р-нов Тюменской обл.) являются села Староалександровка² (Ярковский р-н), Ивановка и д. Бол. Тихвино (Ялуторовский р-н), которые в конце XIX в. относились к Ивановской волости Ялуторовского округа Тобольской губернии. Эти поселения были основаны в 1830-х — начале 1840-х гг. переселенцами, прибывшими в основном из Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии, а также из Пермской и Вятской губерний [Повод, 2008, с. 141–143]. С момента основания они оказались в окружении татарского населения, издавна обитавшего на данной территории и значительно превышавшего по численности переселенцев. Эти две группы проживали изолированно друг от друга, сознавая культурно-бытовые различия, прежде всего в религиозных и хозяйственных традициях; взаимодействие ограничивалось торговыми отношениями. Более поздние переселенцы из Коми края пытались обосноваться в Александровке и Ивановке, но земли не

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Семейные обычаи и обряды в культуре коми юга Западной Сибири» по программе Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

² До середины XX в. — с. Александровка.

Особенности погребально-поминальной обрядности у коми юга Западной Сибири

хватало, и они образовывали поселения в других волостях и даже округах. Так, переселенцами из Вологодской губернии Усть-Сысольского уезда была образована зырянская д. Каменка в Заводоуковской волости Ялуторовского уезда [Чуклеев, 2002]. Часть семей коми из Ялуторовского округа переселялась дальше на восток. По данным И. Шухова, несколько семей братьев Уляшевых из Усть-Сысольского уезда поселились сперва в г. Ялуторовске, а прожив там три года, в начале 1880-х гг. переселились в с. Нагорно-Ивановское (Тарский округ), откуда в 1896 г. переехали в основанную ими д. Имшегал, располагающуюся севернее [1928, с. 103]. Коми, переехавшие в Тарский округ, сохраняли связи с ялуторовскими родственниками и еще в 1920–1930-х гг. ездили к ним в гости и на заработки [Повод, 2008, с. 147]. Массовые переезды коми на территорию Западной Сибири прекратились только в конце 1920-х гг., что было связано с изменением государственной политики в сельском хозяйстве, колхозным строительством и ограничением свободы передвижения крестьян.

Среди локальных групп коми юга Западной Сибири этнографические исследования активизировались с конца 1980-х гг. В 1987 г. проводились экспедиции, организованные Коми филиалом АН СССР, по изучению демографической ситуации в среде омских коми, их материальной и духовной культуры. Было отмечено хорошее сохранение представлений об орте — мифологическом персонаже, предсказывающем своим появлением чью-либо смерть, а также обычая причитания при проводах покойных [Бараксанов и др., 1987, с. 16]. В 1991 г. А.П. Зенько во время этнографической экспедиции к коми Нижнего Притоболья (Ялуторовский и Ярковский р-ны Тюменской обл.) собрал общие сведения о погребально-поминальной обрядности, отметил высокий уровень ее устойчивости [2000, с. 168–171]. Эти исследования возобновились с начала 2000-х гг. Н.А. Лискевич (Повод), экспедиции проводились совместно с Тюменским государственным университетом. Одной из задач полевых работ в коми поселениях юга Западной Сибири, на территории Тюменской и Омской областей, было изучение особенностей погребальной обрядности³, полевые исследования дополнялись архивными изысканиями, частично эти материалы опубликованы [Машарипова, Титов, 2005, 2006; Повод, 2005; Титов, 2006а, б, 2007–2010]. О.В. Голубкова, исследуя традиционные представления о душе и ее воплощении в природе у финно-угров и славян Урало-Сибирского региона, выявила некоторые особенности представлений и ритуалов, связанных с погребальным обрядом, у коми Омской области [2009]. В ее работе, в частности, приводятся тексты быличек, бытующие у тарских коми, о душе орта, ее явлениях человеку, связи любого отпечатка человека, в том числе фотографии, с ортом; различных знаках смерти; даются описание и систематизация погребальных сооружений.

В ходе полевой работы среди коми Нижнего Притоболья зафиксировано, что у них существовали представления о «хорошей» и «плохой» смерти. Это определялось состоянием человека в момент смерти либо ее условиями — особым днем, способом, причиной. «Хорошей смертью» считалось умереть во время Пасхи или в результате попадания молнии, так как это «сняло» все грехи человека: «Одна старуха во время поста все переживала — «А бы не умереть — и дотянула до Пасхи» (Кононова А.Г.), «Когда молнией убило, это считается естественная смерть. Поп местный говорил: “Пусть жену громом убьет”. Это считалось хорошей смертью. Громом убьет — счастливый человек» (Подласова Е.К.), «Если молнией убьет — все грехи снимаются. Одного молодого мужика... молнией убило. Бабушка в бане печку топила — ее тоже молнией убило» (Уляшева А.П.). Также если человек перед смертью очень худел, то тем самым он оставлял все свои грехи: «одни кости остались, с собой ничего не уносит, это значит безгрешный; а кто с мясом умирает — все грешные» (Кононова А.Г.). «Плохой» считалась смерть во время поста, это свидетельствовало о наличии больших грехов. Большим грехом являлось самоубийство: «которые давятся — это нехорошо, черту душу отдают», «застрелиться, утопиться, задавиться, на себя руки наложить — это грех» (Кононова А.Г.). В современных представлениях самоубийством считается даже отказ от жизненно важной операции (Уляшева А.П.). Если человек случайно утонул, это также расценивалось как грех (Кононова А.Г.). За самоубийцу надо было «сутки молиться, без людей, чтобы никто не видел, на том месте, где церковь была» (Уляшева Ю.Ф.).

Смерть старых людей наступала в результате естественных причин, т.е. «срок подошел»: «Срок жизни дает Бог. Век человека Бог определяет» (Подласова Е.К.). Если умирали молодые,

³ Экспедиционные исследования проводились в 2004–2008 гг. при финансовой поддержке полевых грантов Президиума СО РАН и программы фундаментальных исследований РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

то в некоторых случаях это связывалось с колдовством: «если человек сильно болеет, а болезнь не могут признать, то это сделано, человек какой-то сделал, знахарь» (Подласова Е.К.). Болезни мог «сделать» как колдун, так и любой человек. Наиболее распространенные примеры вредоносной магии, направленной на расстройство здоровья человека либо на его смерть, связаны с воздействием на изображение объекта и имитацией желаемого действия. К примеру, если фотографию человека положить к скрипучему дереву, то этот человек начнет болеть и умрет после падения дерева: «Одна женщина сильно болела. Ее фото спрятали под скрипучее дерево. Одна из тех, кто прятали, — вытащила фото, и женщина поправилась» (Подласова Е.К., Уляшева З.П.). Наслать смертельную болезнь можно было «молитвой», прочитанной перед печной трубой (Подласова Е.К.). Закапывание фотографии на могиле человека с таким же именем, как у того, против которого совершается действие, также вело к смерти: «Колдуны делают наговор над бугром могилы [на бумажке]. Это наговор засовывают в могилу — после этого человек, на которого *сделано*, начинает чахнуть. Как только бумажка сгниет, человек умирает (Уляшева З.П.). Действия, направленные на причинение смертельного вреда здоровью, могли совершаться в церкви: «Ворожат в церкви — заговор делают на день Ангела. Свечи в церкви сжигают и приносят домой, кладут рядом с заговоренным. После этого заговоренный не может жить. Заговор на 20 лет: В церкви нужно взять 2 венчальные свечи, чтобы они сгорели, а огарки принести домой и положить тому человеку, на которого хотят сделать заговор» (Уляшева З.П.), или «поставить 40 свечей за упокой для живущего человека» (Подласова Е.К., Уляшева А.П.).

Свидетельством наказания за грешную жизнь были тяжелые мучения перед смертью. Считалось, что более тяжело умирали колдуны: «Если колдовством занимаются некоторые, долго мучаются, это за грехи наказание, парализует» (Кононова А.Г.), «парализованные лежат — душа держится. Душа выйдет, и человек умирает» (Подласова Е.К.), «Колдуны должны были передать свои знания обычно кому-то своим. Если не передавал, то дольше не умирал. Тяжельше было. При смерти им двери, вышку открывали, даже зимой. Насильно знания не передавали. Колдунов в деревне было мало» (Подласова Е.К.).

В случае тяжелой смерти для уменьшения страданий умирающего открывают вышку у печи, летом открывают также все двери и окна, «стакан воды поближе ставят» (Никулина А.Ф., 1916 г.р.). Эти действия связаны с представлениями коми о душе, уход которой необходимо облегчить: *медым ас петны* («пусть душа восходит (бежит?)») (Уляшева А.П.). Душа, которая уходит на тот свет, считается *ловья*, т.е. «душа живая», в отличие от тела, которое *сисьмыны*, т.е. «подверженное гниению» (Кононова А.Г.). «Живая» душа ассоциируется с дыханием человека (либо с сердцем) и называется *лол*; *лол петны* — «это душа-дыхание, душа — последний выдох», «душа, которая выходит из умирающего с последним вздохом», *лол мунысь* — «вдох ушел» (Никулина А.Ф., Подласова Е.К.), «С последним выдохом уходит душа лол. Сидели — и будто кто-то прошел. И сказали — у отца *лол мунысь* — “вдох ушел”. *Лол петны* — последний вдох, умирать хочет. Душа находится в сердце или в мозге» (Уляшева Ю.Ф.). Чтобы окончательно удостовериться в смерти человека, у коми традиционно подносили ко рту перышко, движение которого показывало, дышит человек или нет (Подласова Е.К.). «Уходящая душа умирающего» отличалась от души живущего человека: «У живых своя душа, названия ей нет. Человек рождается сразу с душой» (Подласова Е.К.). Если душа была «слабой», к примеру у детей, больных людей, то ее «задерживали» молитвой: «Если ребенок слабый, болеет, лечат молитвами, травами. Заговаривают и в бане ребенка парят» (Уляшева А.П.), «Душу можно задерживать молитвами. Для детей есть специальные молитвы» (Подласова Е.К.), кроме этого использовали различные магические средства, обычно под подушку ребенка клали нож. Особенной защиты требовали близнецы, так как считалось, что они рождаются с одной душой на двоих — «Двойники по-разному живут. Близнецы имеют одну душу на двоих» [Подласова Е.К.].

Также у коми сохраняется представление о душе *орт*, которая появляется у человека с момента рождения и ассоциируется с костями, скелетом: «Орт — это скелет, одни кости» (Никулина А.Ф.). Орт считался двойником, тенью человека. Главным отличием души *лол* от *орт* было их посмертное существование: «Душа после смерти попадает на небо. Душа сразу поднимается. До 40 дней домой приходит лол. Орт в это время с телом гниет. На том свете жизнь снова начинается — кто раньше умер, тот старше будет на том свете» (Уляшева Ю.Ф.), «Сколько человек живет, столько и орт. Вместе уходят» (Подласова Е.К.). Хотя в рассказах существовала версия, что орт также бессмертен: «Орт — дух, который никогда не умирает, он везде летает, он все видит и знает» (Никулина А.Ф.). Особенности орта было умение самостоятельно

Особенности погребально-поминальной обрядности у коми юга Западной Сибири

передвигаться, являться людям, предсказывать неприятности и смерть, а также судьбу новорожденного. Говорят, что, когда рождается ребенок, орт показывается в окно и предсказывает судьбу — «счастливая будет жизнь или злосчастная, сколько лет проживет» (Кононова А.Г.), «при рождении ребенка надо говорить такие слова: *кузь нэм* — долгий век» (Рычков В.И.). Душа орт до либо после смерти человека может «ходить» и стучать в окна, подавая сигнал о смерти кого-то из родственников или односельчан: «В окно кому-то два раза стукнули — это перед смертью ходит орт» (Уляшева А.П.). Орт показывается посторонним людям, это расценивается негативно — «не к добру» (Подласова Е.К.). Собаки при таком стуке не лают, так как чувствуют, что это не живой. В то же время, если собаки в селе воют без причины, считается, что они чувствуют духов, т.е. это у кого-то «смерть ходит, ищет» (Уляшева Ю.Ф.). Предвестником смерти также может являться упавшее зеркало. Если покойный начинает чудиться живому человеку, то это объясняется тем, что ходит орт — орт ветлы. После соответствующего лечения, которое проводят бабушки, после 40 дней «казаться не должно». Также существовало представление, что тень человека (*'вуджбр'*), не тождественна орту и тоже может самостоятельно ходить — *тес-нес/вуджбр ветлы* (Уляшева Ю.Ф.).

Престарелые люди, особенно одинокие, заранее готовились к смерти. Приготовление предполагало накопление денег, пошив или покупку погребальной одежды — *кулан паськõм* 'одежды для смерти', запасание ткани для обивания гроба и другие необходимые материалы (плюш, ленту, марлю, вату, полотенца). Заранее готовить гроб было нельзя, в крайнем случае одинокие старики заготавливали тес. К примеру, Уляшева А.П. показывала нам в сарае доски для гроба и креста, которые она купила, зная о своей тяжелой болезни. Кроме этого, раздавали подарки близким, друзьям, соседям, договаривались с людьми, которым доверяли организацию своих похорон.

После удостоверения в смерти умершего старались сразу же обмыть, пока не застыло тело. Ближайшим родственникам покойного (родителям, детям) не рекомендовалось обмывать. Обычно для этого даже ночью приглашали соседей, с которыми были дружеские отношения. Для обмывания мужчин звали мужчин, либо «их до пояса мыли женщины, а от пояса внизу — мужчины», женщин обмывали женщины. Для этого покойного полностью раздевали и мыли в сидячем положении или лежащим на доске, уложенной на стулья, «как в бане — ставили ванну, брали мыло, мыли в обычной банной посуде, специальной посуды не было» (Никулина А.Ф.). Воду для обмывания грели, обмывали, набирая воду ковшиком из чистой посуды. Мыть начинали с головы, затем — все тело до ступней, первый раз с мылом, второй — тряпкой чистой, затем три раза вытирали насухо». Волосы и ногти у покойного нельзя было подстригать. Тщательность обмывания мотивировалась тем, что «немытый там вечно будет умываться, что грязным положили» (Никулина А.Ф.). Использованную воду сливали в «поганое» корыто и потом выливали на улице на землю, где никто не ходит, там же выбрасывали тряпочки» (Никулина А.Ф., Репанова А.М.). Обмылок *майтõг*, оставшийся после обмывания, в утилитарных целях нельзя было использовать, его либо выбрасывали, либо клали в гроб под ноги покойному. В некоторых случаях обмылок хранили для последующего использования в магических целях. Тем, кто участвовал в обмывании, обязательно дарили подарки (полотенца, платки и пр.) (Уляшева А.П.).

Обмытого покойника одевали. Погребальная одежда не имела сезонных отличий. Раньше хоронили в холстяной одежде, женщине нужно было надеть венчальную юбку, хотя бы в качестве нижней юбки (Никулина А.Ф.). Теперь одежда может быть любая, но обязательно чистая и для женщин — светлая; мужчин обычно хоронили в том, что имелось, либо иногда специально покупали костюм. На покойного надевали крестик, носки, мягкие комнатные тапочки или шубенки (домашняя обувь из овчины, шитая мехом внутрь). Женщинам волосы заплетали в косу, на голову повязывали платок. В то же время траурная одежда была черного цвета, раньше для этого холст специально красили. Оставшуюся одежду покойного стирали и раздавали для ношения родственникам и соседям, иногда ее сжигали.

В доме покойного укладывали на скамейку или стулья головой на запад, ногами на восток, на кладбище могилы ориентировали так же — с востока на запад: «Пока гроба нет — лежит на двух стульях. С плахой, туда постеляют что-то и сверху накрывают. Покойник лежит ногами к дверям, головой на божницу. Передний угол — как зайдешь — правый напротив двери. Выносят тоже ногами вперед» (Никулина А.Ф.), «На лавку кладут сено и потом — покойника. Потом сено сжигают на огороде» (Уляшева З.П.). Обычно гроб '*горт*' заказывали сразу после смерти

мастерам либо изготавливали его сами; как правило, он был готов на следующий день. Если после обмывания и одевания гроб уже был готов, то покойного клали сразу в гроб.

Гроб представлял собой обычный ящик прямоугольной формы, немного сужающийся к ногам либо прямой. Раньше гробы украшали только бумажными цветами и никогда не обшивали, так как считалось, что это «грешно» (Уляшева А.П.). Теперь обшивают красным материалом — ситцем, плюшем, край окантовывают черной ленточкой. На дно гроба кладут стружки, оставшиеся от его изготовления, затем, чтобы «было мягче», крошат листья от трех (или пяти, семи) березовых веников *кордсь*, прутья от которых выбрасывали (Никулина А.Ф.) или сжигали (Рычков И.И.). Веники брали банные, «из общей кучи». Потом укладывали «постель» — обычно вату, ее покрывают «простыней» — белой хлопчатобумажной тканью («коленкор»), в качестве подушки используют обернутую тканью вату. Раньше вместо ваты в гроб клали *куделю* (распушенную овечью шерсть), чтобы «земля была пухом» (Подласова Е.К.). Считалось, что швов должно быть как можно меньше, поэтому вату или шерсть заворачивали (Уляшева А.П.). Также были получены сведения, что подушку шили вручную и набивали березовыми листьями (Рычков В.И.). Пожилые люди собирали свои выпадавшие при расчесывании волосы, чтобы их потом положили в подушку: «Волосы надо в подушку, они не сгниют» (Кононова А.Г.).

Умершего перекладывали в гроб и окуривали (Уляшева З.П.). Покойный лежал на спине со сложенными на груди руками, до похорон руки связывали. Если у покойника были плохо закрыты глаза, то это означало, что еще кто-то умрет (Уляшева А.П.). На лоб и на руку укладывали «церковную бумагу» с записанными фамилией и именем, которая называлась *свертока* (Никулина А.Ф.), под руки умершему подкладывали платочек, на грудь помещали икону, с ней гроб везли до кладбища, но перед заколачиванием крышки икону убирали (Репанова А.М.).

До похорон покойный находился дома. Было принято, что «он должен две ночи дома переночевать» (Никулина А.Ф.). Пока покойный находился в доме, свет не отключали и со стороны головы у гроба стояла зажженная свеча (или две). Рядом сидели родственники, знакомые. «Некоторые всю ночь сидят около покойника. Свет горит, попеременно сидят. Свечи все зажигают, лучше из церкви взять» (Никулина А.Ф.). Умершего окуривали ладаном, читали молитву «Отче наш» (Репанова А.М.). В доме покойного ставят воду, водку, соль, хлеб, вешают полотенце, на 40 дней (либо до окончания похорон) закрывают все зеркала. Покойных обычно старались отпевать, для этого приглашали «знающих людей» (Никулина А.Ф.). Всех сидевших у гроба после похорон приглашали для поминального чаепития.

Гроб выносили из дома головой вперед. Близкие родственники после выноса ненадолго садились на стулья или лавку, на которых стоял гроб с покойным — «чтобы не чудилось, чтобы не бояться». Прощаться с покойным могли все желающие, ограничений не было. Считалось, что после смерти человека «приходят встречать» все те, в чьих похоронах он принимал участие, кого он провожал в последний путь: «Покойников надо провожать, кого проводишь, тот встречать будет [после смерти] (Кононова А.Г.). Гроб выносили те, кто копал могилу, это могли быть и близкие родственники. До кладбища гроб везли на телеге, зимой — на санях, теперь возят на машине. По пути вслед за траурной процессией на дорогу могли бросать еловые ветки. Во время проводов покойного всегда дымили ладаном и в доме, и во время пути, и на кладбище возле могилы, это делали для того, «чтобы черт боялся». Ладан жгли в ведре с углями, уголь для этого брали в бане или доме покойного. Обычно ведро с ладаном несла пожилая женщина, она возглавляла похоронную процессию и на кладбище обходила «против солнца» пустую могилу для окуривания (Подласова Е.К.) (рис. 1). После выноса покойного в доме обязательно мыли полы, «вплоть до крыльца», подметали двор и готовили столы для чаепития (поминок).

Могилу копали родственники или знакомые либо нанимали чужих людей. Обычно старались выкопать яму для могилы сразу после смерти человека. На кладбище все присутствующие подходили к гробу и прощались в последний раз. Затем с груди покойного убирали икону, заколачивали крышку и опускали гроб с помощью полотенец, которые потом разрезали и отдавали копавшим могилу. После опускания гроба в могилу кидали «красные» деньги (медные монеты — 3 коп., 5 коп.), для того чтобы «купить могилу»; все присутствующие три раза бросали в яму землю. В Староалександровке родственники покойного должны были бросить через могилу (или в могилу) три катушки ниток («в юрке»), если бросали через могилу, на той стороне их ловили. Это действие объяснялось необходимостью «будто сделать покойному дорогу на тот свет» (Подласова Е.К.; Уляшева А.П.). В соседнем с. Ивановка на кладбище во время похорон пере-

Особенности погребально-поминальной обрядности у коми юга Западной Сибири

давали шерсть (овечью) и делили принесенную булку хлеба: «одному дадут, и он всем делит» (Подласова Е.К.).

Рис. 1. Похоронная процессия. Ярковский район Тюменской области. Начало 1970-х гг.

Кладбища обычно располагаются неподалеку от села, в лесном массиве. Возле могил оставляют растущие деревья, иногда сажают рябину. По состоянию дерева, растущего у могилы, у омских коми определяли участь похороненного человека на том свете [Голубкова, 2009, с. 40]. К примеру, в с. Староалександровка кладбище находится в березовой роще около 100 м на юго-восток от села и имеет размеры около 150×45 м. Могилы ориентированы с востока на запад. Погребальные сооружения поставлены с восточной стороны, т.е. в ногах умершего. Современные памятники представлены деревянными крестами, деревянными и металлическими обелисками с крестами или пятиконечной звездой наверху, имеются также различные гранитные («мраморные») памятники (рис. 2), на могилах могли высаживать садовые цветы — «красные, малиновые, желтые» (Кутькин П.Т.). Место погребения раньше не огораживали, а теперь «все заборами загорожено». Умерших родственников старались похоронить рядом, чтобы удобнее было их посещать во время поминок. Самоубийц, покойных «с плохой смертью» хоронили на общем кладбище, хотя раньше их хоронили на самом краю (Уляшева Ю.Ф.).

Рис. 2. Погребальные сооружения на кладбище с. Староалександровка. 2004 г. Фото А.С. Титова

Поминки устраивали обычно на третий день после смерти, при этом если по каким-либо причинам покойный не был похоронен, то поминать было нельзя. Затем устраивали поминки на девятый и сороковой дни. Считалось, что до 40 дней душа умершего находится там, где жил покойный. После 40 дней его душу провожали. Для этого за воротами двора устраивали стол с пирогами, вином, другим угощением, вывешивали полотенца для подарков, вставали на колени, кланялись и молились, чтобы «земля-мать» приняла душу покойного (Никулина А.Ф., Подласова Е.К., Уляшева А.П.). После 40 дней на поминках необходимо было подарить 40 подарков (полотенца, платки, носки и пр.), в первую очередь тем, кто копал могилу, мыл полы в день похорон и оказывал другую помощь. Подобный обычай проводов души зафиксирован и у коми, живущих в Омской области. В Тарском районе после поминок в доме на 40-й день, когда люди уже встанут из-за стола, выходят за ворота и выносят вино, квас, завернутые в полотенце конфеты, сладости и тарелку с ложкой, вывешивают полотенце. Поминающие с молитвами идут по улице, выбирая дорогу, отличную от пути, по которому везли покойного. Встречных прохожих угощают, а первому, кто встретится, отдают полотенце, тарелку и ложку. Говорят, что после этих проводов «душа ушла из дому» (Ефремова П.Н.). В Калачинском районе также душу провожали на 40-й день за воротами, для этого выносили на улицу «квас, сахар, кусочки хлеба», читали молитвы, а потом шли на кладбище — «Положим на могилки, что всегда все ложат: конфеты, пряники и все такое. Если мужчине, то сигареты кладут, а если пьющий, то и стопку поставят с водкой. А если непьющий или женщине, то стопки не ставят. А маленьким детям пряники, конфеты. Вот это им нужно» (Некрасов П.Е.).

Также обязательно устраивали поминки через полгода и год после смерти. Кроме этого, существовали особые поминальные дни для всех покойных родственников — родительский вторник после Пасхи, Троицкая суббота, Димитриевская суббота. В родительский день нельзя было поминать тех, кто наложил на себя руки (Рычков И.И.). Умерших насильственной смертью — самоубийц, «удавленников, утопленников» поминали в четверг после Пасхи и Троицын четверг, такие дни назывались «роковыми». Поминки обычно устраивали на кладбище. На могилу брали поминальную еду — рыбный пирог, бутылку или бражку, стряпанное, яйца, после прихода с кладбища продолжали поминать дома: «Потом еще и дома гуляют» (Никулина А.Ф.). Набор пищи был достаточно разнообразным и включал в себя обязательные блюда: хлеб, булки 'нянь', рыбный пирог 'чери нянь', блины, яичницу 'омлет', яйца 'кольк', кашу 'рок' с маслом (пшеничную либо рисовую), также варили пшеницу с сахаром. В качестве напитков использовали кисель, чай, квас. Этот поминальный набор был характерен для всех групп коми; по мнению Т.И. Чудовой, именно мучные и сладкие блюда выступают атрибутами загробной еды [2009, с. 91]. Кроме этих обязательных угощений на стол старались поставить те блюда, которые особенно любил покойный, так как считалось, что умерший незримо присутствует на поминках и ест поминальную пищу (Поплавская Р.М.). Когда собиралась вся семья за столом, то умершему члену семьи ставили дополнительный прибор для «еды» (Уляшева З.П.). Во время «чаепития» на поминках нельзя было пользоваться вилками.

Пожилые люди поминали умерших родственников каждый день перед завтраком, к примеру: «Царство небесное всем покойникам — маме и тяте, и братьям...» (Кононова А.Г.), «Царство ей небесное, светлое место» (Никулина А.Ф.), «Земля пухом» (Уляшева А.П.). Покойных родственников поминали также в бане, призывая их мыться. Рассказывали, что одна женщина пошла поздно вечером в баню и не успела позвать всех покойников, как раздался стук. Она остановила этот стук словами: «Я крещеная, вода готова для мытья, крест на мне есть, можете приходите, мыться» (Уляшева Ю.Ф.).

Среди пожилых людей бытуют рассказы о «бытовых» подробностях загробной жизни, источником формирования (появления) которых служат сны об умерших родственниках: «Она (покойная мать. — Н. Л.) говорила: там лежать хорошо, тихо, делать ничего не надо. Только шум — там пилорама была» (Никулина А.Ф.); «Видела во сне сестру — она где-то живет. Женщина в черном халате приходила во сне: от Марии (сестры) привет — она животноводом работает» (Уляшева А.П.), «Видела покойную мать на поскотине, она коров гнала, чтобы корова на поле не забрела» (Уляшева Ю.Ф.), приснившийся нетрезвый родственник рассказывал, что им разрешают выпивать, и недавно он встречался с друзьями, с которыми и выпил (Никулина А.Ф.). Умершие родственники во сне могли давать полезные советы в трудных житейских ситуациях: «они советы дают, все знают» (Никулина А.Ф.). К примеру, когда у А.Ф. Никулиной нечем было кормить скотину в конце зимы, приснившийся отец дал совет «оденки собирать — сено, которое

Особенности погребально-поминальной обрядности у коми юга Западной Сибири

остается от стогов» (Никулина А.Ф.). Покойные во сне могут «передавать» свои просьбы, предостережения: «Одну женщину похоронили в черном платке, после она приснилась родственникам со словами: “Все в белых платках ходят, а меня в черном похоронили”. И со следующим покойным ей передали белый платок, в гроб ему положили» (Подласова Е.К.); «У сына было 3 разделочных доски, которые висели на гвоздиках. И во сне видела сына, который уже умер. А он говорит: “Мама, я домой приду”. А на следующий день одна из досок лежала на полу. Это сын на самом деле приходил домой» (Уляшева З.П.); «Приснилось, муж, когда он уже умер, сказал, почему не сделали в могиле окошечко? А мы поставили памятник без фотографии» (Уляшева З.П.). Умершие родственники могут «рассказывать», как они выходят из могилы через отверстия в гробу (Никулина А.Ф., Уляшева А.П.). Существуют представления, что у покойников, которые при жизни были известны как колдуны, на могиле появляется дырочка, через которую они могут выходить и показываться живым людям: «Колдуна одного похоронили, а у него на могиле появилась дырочка. Это значит, что он выходит» (Подласова Е.К.). Некоторые сны, где фигурируют покойники, имеют устойчивое значение: «Дом новый снится — покойник будет. Зубы выпадают — кто-то умрет. Покойные родственники — милостыню надо подать. Если покойник просит — это к плохому, дает — хорошо» (Подласова Е.К.), предвестием тяжелой болезни или смерти близких могли быть онейросюжеты с похоронами, пожаром (Подколзина О.Д.). В 2006 г. были записаны рассказы о снах у больной женщины, готовящейся к смерти, которая умерла через месяц после нашего отъезда. Она рассказывала, что ей часто снится загробный мир, умершие родственники. По ее словам, привычные бытовые подробности действовали на нее успокаивающе. Кроме того, в снах часто повторялся сюжет: «иконцы как в церкви рядами поставлены, а я вокруг них летаю, ничего не мешает — ни лес, ни вода, или снится, как под куполом церкви летаю. Просыпаюсь, и такое облегчение, такой сон часто снится». По ее словам, это означало, что «душу призывает Бог», «душа к Богу наверх стремится» (Уляшева А.П.).

Во время полевой работы было записано много быличек о покойниках, приходящих после смерти домой, *показывающихся* родственникам: «Жена покойная к мужу ходит. Он сидит, курит, и жена идет. Этот плохая примета. И он теперь часто ходит на кладбище, таким туда не надо ходить» (Кононова А.Г.); «Одна учительницей работала, у ней мужик задавился. И он все ей чудился, звал. Она сама через 2 года задавилась» (Кононова А.Г.). Подробный рассказ о приходе покойного мужа был записан в Калачинском районе: «Покойный муж приходил. У нас была на двери задвижка и ключ большой, и мы сами снаружи эту задвижку ключом открывали, а ключ все время клали на бровку над дверью. Вот лягу, еще не успею уснуть и слышу, ключом открывают дверь, хотят заходить. Я как испугаюсь, закричу: мам, Ленька заходит. Она испугалась, соскочила, свет включила. А я боюсь встать с кровати, кричу. Он много раз приходил. Но я его не видела. Вот если бы я не стала орать, может, и зашел бы, может, и ко мне пришел бы. Я слышала, даже прилегают к женам мужики. Ну, я сразу начинаю орать. И потом мама стала со мной ложиться, она с краю спала. А потом меня лечила баба Шура, она меня вывела за ограду и на все четыре стороны молится и читает молитвы. Сниться не снился, а наяву пугал. Я еще не сплю, а он уже заходит, и ворчит, открывает дверь. Как вспоминаю, у меня мороз по коже. И свекровку боялась. Тогда хлеб сами стряпали, а я боюсь идти в кладовку муку сеять, тесто завести, зову мужа с собой. Вроде как она меня ловит, хватает. Она умерла от туберкулеза» (Боганец В.Г.). Явление покойного связывалось с действиями орта: «Это ей кажется, это орт» (Кононова А.Г.); «Когда покойный начинает чудиться живому, говорят *орт ветлы* ‘орт ходит’. Таких лечат бабушки, после 40 дней казаться не должно. За Ярково жила бабушка, она лечила» (Подласова Е.К.).

Погребальный обряд включал в себя магические действия профилактического характера для предупреждения сильной тоски по умершему или страха, что покойник будет «чудиться, мерещиться». Так, у лежащего в гробу покойного «шарили ноги» (Боганец В.Г.), при выносе тела близкие родственники садились на стулья, где стоял гроб, и, чтобы не «пугало», проговаривали вслух или про себя *мõдысь гажтõм* ‘повторно тоскливо’ (Подласова Е.К., Боганец В.Г.). После вынесения гроба к дверям клали топор, помещая его острием к порогу (Боганец В.Г.). При прощании с умершим перед погребением могли говорить: «не приходи ко мне, я сама к тебе приду, и смотреть на него» (Боганец В.Г.), «Ты не приходи, а я к тебе ходить буду ‘Тэ эн волõ, а ме волõвны мõда’ (Жилина К.Г.). Некоторые после похорон клали себе в карман или за пазуху могильную землю, чтобы не мерещилось, или бросали ее через левое плечо (Никулина А.Ф.). Чтобы не тосковать по умершему, после прихода с кладбища после похорон нужно

было посмотреть в горящую печку — «весело ли там», при этом можно было сказать «ой, тут печка, а я думала тут ... (назвать имя покойного)» (Подласова Е.К.; Уляшева А.П.), «смотрели в русскую печку, в самое дно, где хлеб пекут, вот когда похоронили, с кладбища пришли, руки помыли и нас заставили в печку посмотреть» (Боганец В.Г.).

Вещи, связанные погребальным обрядом, особенно соприкасавшиеся с телом умершего, или взятые с могилы, обладали особыми свойствами: были способны придать человеку некоторые качества, присущие покойнику. К примеру, с мылом и могильной землей связаны магические действия, направленные на предотвращение драчливости мужа. Для этого брали мыло, оставшееся от обмывания покойника с таким же именем, как у мужа, и подкладывали его для умывания. Или собирали землю с могилы погребенного с таким же именем и сыпали ее в умывальник, чтобы муж помылся, при этом говорили: «Как у покойника руки не поднимаются, так и у раба Божьего ... (имя) не поднимайтесь» (Кононова А.Г.; Подласова Е.К.). Считалось, что недвижимость покойника передается драчуну, «руки отсохнут, как у покойника» (Репанова А.М.), и он не может «руки поднять» во время драки. Мылом от покойника также натирали «могильные» кости/«шишки» на руках (запястье) и ногах, и они исчезали; другим способом их удаляли трением «шишки» о дверную ручку в церкви (Кононова А.Г., Никулина А.Ф.). Земля с могилы могла использоваться для гадания, лечения, наведения порчи и пр. (Репанова А.М., Уляшева З.П.). В Омской области был записан сюжет о вызывании дождя в засушливое лето: раньше после Троицы старушки ходили по деревне с иконами, а затем шли на кладбище и поливали могилы «утопленников» (Боганец В.Г.).

Таким образом, ритуальные действия погребального обряда коми юга Тюменской области совершаются по православным обычаям, но сохраняются и традиционные дохристианские элементы, связанные с представлениями о душе (душах), обеспечением перехода в загробный мир, магическими действиями по предотвращению страха и тоски по умершему. Представления коми о существовании в загробном мире во многом определяются христианскими идеями о рае и аде, связанными с воздаянием за праведную или грешную жизнь, но среди пожилых людей более распространены рассказы о загробном мире, параллельном реальному и являющемся его отражением, где повторяется привычный уклад жизни, объединяются родственники и друзья, бытуют нормы «общественного контроля», возможны контакты с близкими людьми и помощь им посредством явлений в сновидениях, границы между этими мирами оказываются проницаемы (по крайней мере, для некоторых покойных). Показательно отношение к самоубийцам, поступок которых осуждается в реальной жизни, и в посмертном существовании они находятся на периферии кладбища, их поминовение отделено и ограничено «роковыми» днями. Одним из источников формирования представлений о загробном мире являются сны, последующее обсуждение которых способствует воспроизводству элементов традиционного мировоззрения и требований нормативно-бытовой культуры, а также продуцированию новых элементов коллективных представлений, что характерно и для других групп коми [Шарапов, 2000, с. 163; Шарапов, Чувьуров, 2006, с. 176]. К сожалению, наиболее информативные беседы в ходе полевой работы состоялись только с женщинами, пожилые мужчины значительно менее охотно высказывали свои мысли о смерти и связанных с ней представлениях. В целом в культуре коми переселенцев в Западной Сибири сохранились как основные элементы комплекса погребальной обрядности, так и некоторые локальные отличия, присущие разным этнотерриториальным группам. Специфические нюансы ритуалов были культурными маркерами, характеризующими «свою» группу, иногда ограниченную рамками одного села.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бараксанов Г.Г., Конаков Н.Д., Рочев Ю.Г. Омские коми. Сер. препринтов «Науч. доклады» / Коми филиал АН СССР, 1987. Вып. 167. 24 с.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми (XIX — начало XX в.) // ТИЭ. Нов. сер. Т. 14. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 395 с.

Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.

Зенько А.П. Опыт изучения традиционной культуры коми-зырян юга Тюменской области (по материалам этнографической экспедиции 1991 г.) // Итоги полевых исследований. М., 2000. С. 150–176.

Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998. 125 с.

Особенности погребально-поминальной обрядности у коми юга Западной Сибири

Машарилова А.Х., Титов А.С. Демография коми-зырян Ялуторовского уезда Тобольской губернии (конец XIX — начало XX вв.) // Словцовские чтения-2005: Матер. XVII Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2005. С. 155–156.

Машарилова А.Х., Титов А.С. Обряды перехода и плодородия на примере демографических процессов коми Среднего Притоболья кон. XIX — нач. XX вв. // Сб. материалов регионального конкурса студенческих научных работ 2006 г. Тюмень: Сити-пресс, 2006. С. 81–84.

Мифология коми: Энцикл. уральских мифологий. Т. 1. М.; Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. 480 с.

Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. С. 169–185.

Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-Пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. 579 с.

Повод Н.А. Особенности погребальной обрядности коми юга Тюменской области // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 101–108.

Повод Н.А. Особенности освоения территории Нижнего Притоболья коми переселенцами в XIX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. № 9. С. 141–148.

Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов европейского Севера: Реконструкция мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 152 с.

Терюков А.И. Погребально-поминальные обряды // Зырянский мир: Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 432 с.

Титов А.С. Погребальная обрядность коми юга Тюменской области // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Матер. XLVI Регион. (II Всерос.) археолого-этногр. конф. студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова, Красноярск, 28–30 марта 2006 г. Красноярск, 2006а. Т. 2. С. 195–197.

Титов А.С. Поминальная обрядность коми-зырян юга Тюменской области кон. XIX — нач. XX вв. // Словцовские чтения-2006: Матер. XVIII Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2006б. С. 144–145.

Титов А.С. Образ умершего и способы защиты от вредоносного влияния покойных в традиционных представлениях коми Среднего Притоболья // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Матер. XLVII Регион. (II Всерос.) археолого-этногр. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск, 3–7 апреля 2007 г. Новосибирск, 2007. С. 357–359.

Титов А.С. Представления о душе в традиционной культуре коми Тюменской области // Этнокультурная история Евразии: Современные исследования и опыт реконструкций: Матер. XLVIII Регион. (IV Всерос. с международным участием) археолого-этногр. конф. Барнаул, 2008. С. 222–223.

Титов А.С. Традиционные представления о загробном мире коми юга Тюменской области // Археология и этнография азиатской части России: Матер. XLIX Регион. археолого-этногр. конф. Кемерово, 2009. С. 183–184.

Титов А.С. Погребально-поминальные обряды коми юга Тюменской области // Национальные культуры Урала. Семейные обряды и традиции: Матер. регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010. С. 119–123.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

Чудова Т.И. Культура питания коми (зырян). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. 204 с.

Чуклеев Н.Т. Родословие сибирской деревни // Сиб. ист. журн. 2002. № 1. С. 26–36.

Шарапов В.Э. Фольклорный образ «приходящего-уходящего» сна в контексте традиционных представлений коми о душе // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Матер. IV Сиб. чтений. СПб., 2000. С. 162–167.

Шарапов В.Э., Чувьуров А.А. Сон-нарратив в религиозно-обрядовой культуре коми // Сон и видения в славянской и еврейской культурной традиции. М.: СЭФЕР, 2006. С. 171–182. (Акад. сер.; Вып. 19).

Шухов И. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Изв. Изд. Гос. Зап.-Сиб. музея. Омск, 1928. № 1.

Список информаторов

Боганец Валентина Григорьевна, коми, 1931 г.р., м.р. Николаевка, м.ж. с. Лагушино Калачинского р-на Омской обл.

Ефремова Прасковья Николаевна, коми, 1926 г.р., м.р. и м.ж. с. Ивановка Тарского р-на Омской обл.

Жилина Клавдия Геннадьевна., г.р. 1936, коми, м.р. и м.ж. с. Ивановка Ялуторовского р-на Тюменской обл.

Кононова Анна Гавриловна, коми, 1921 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Кутькин Павел Тимофеевич, коми, 1928 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Некрасов Павел Ефимович, коми, 1933 г.р., м.р. и м.ж. с. Кибер-Спасское Калачинского р-на Омской обл.

Н.А. Лискевич

Никулина Анна Федоровна, коми, 1916 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Подколзина Ольга Дмитриевна, коми, 1968 г.р., м.р. м.р. с. Николаевка, м.ж. с. Лагушино Калачинского р-на Омской обл.

Подласова Елизавета Кузьмовна, коми, 1922 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Поплавская Раиса Максимовна, г.р. 1937, коми, м.р. и м.ж. д. Большое Тихвино Ялуторовского р-на Тюменской обл.

Репанова Анна Михайловна, коми, 1950 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Рычков Владимир Ильич, коми, 1937 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Рычков Иван Ильич, коми, 1933 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Уляшева Анастасия Петровна, коми, 1928 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Уляшева Зоя Павловна, коми, 1928 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Уляшева Юлия Федоровна, коми, 1926 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.

Тюмень, ИПОС СО РАН
nina_povod@mail.ru

Basing on field materials obtained during ethnographic expeditions from Komi settlements in the south of Tyumen and Omsk Oblasts, subject to consideration being notions on death, soul-the-breath and soul-the-shadow, as well as particulars of preparation for coming death, as well as pre-burial, burial and commemoration customs, and methods of using objects which contacted a body of the deceased. The author specifies a role of dreams as one of the sources for contacting the dead and producing new elements of collective notions on the spirit world with the local Komi groups.

Komi of West Siberia, burial and commemorative rites, apparition of the the late, dreams about the dead.